

Мелякова Юлия Васильевна, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков, Украина
e-mail: melyak770828@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0200-1141>

Коваленко Инна Игоревна, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков, Украина
e-mail: kinna087@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3156-9254>

ИНТЕРСУБЪЕКТИВИЗМ ПРАВОВЫХ ТЕЛ В ПРОСТРАНСТВЕ СУДЕБНОГО ПЕРФОРМАНСА

В данном исследовании затронута проблема современного прочтения правовой реальности в горизонте интересубъективизма. Ключевая роль отведена перформативному акционизму, который рассматривается в качестве тактики осуществления права и метода познания истины в ходе судебного разбирательства. Право понимается как акция, процесс, событие, поступок, ситуация, череда действий агентов права. Акционизм применяет принципы независимого и эффективного взаимодействия агентов современной интегративной среды, а также дает методологическое обоснование новому правовому интересубъективизму тел в судебной практике.

Ключевые слова: перформативность, акционизм, судебный процесс, тело, агент, интересубъективизм.

Постановка проблемы. Перформативные акции политической воли, социальной активности и борьбы за свои права демонстрируют оптимальный способ самоопределения человека в мире когнитивного капитализма. Перформативный акционизм становится актуальной тактикой самореализации индивида в искусстве, политике, правовой и хозяйственной деятельности в качестве натуральной компенсации его онлайн-существования в этих сферах.

Тело человека приобретает множество значений и функций: от биологического ресурса до семиотического средства, художественного инструмента, коммерческого предприятия, правового субъекта и, наконец, политической силы в отношениях с государственной властью. Популярность концепта тела

объясняется тем, что понятия перформативной субъективности, агентного реализма и прекарности пришли на смену дискурсу о субъекте коммуникации и герменевтике нарратива, равно как визуальная культура пришла на смену коммуникативно-семиотической культуре. Символ неолиберально-трансгуманистической эпохи метамодерна – уже не язык и диалог, а тело и акт.

В свою очередь, обусловленная цифровизацией и карантинными мерами тенденция устранения тела из социальных, трудовых, образовательных, правовых, политических и коммерческих процессов оборачивается бурным ростом числа прекариев – уязвимых, ущемленных в своих правах и возможностях агентов рыночного сообщества. Прекарии лишены социальных гарантий здоровья, безопасности, благополучия и обеспеченной старости для своего тела со стороны государства, а потому вынуждены самостоятельно создавать различного рода спонтанные альянсы (ситуативные, функциональные, отраслевые, коммерческие и др.) в интересах правовой и профессиональной самореализации и во избежание своей неоплакиваемой социальной смерти. Потому перформанс, или перформативный акт, становится основным местом телесной коммуникации в среде прекариата.

Перформативность – черта не только массовой культуры, но также гражданской, социальной, экономической и юридической сфер активности человека сегодня. Фукольдианская теория биополитики [1], последние сорок лет сопровождающая развитие либерального капиталистического общества, в духе неоматериализма объясняет *возросшее значение тела* человека во всех сферах бытия как дефицит реальности и реализацию права на удовольствие. Однако современная, в равной степени биополитическая стратегия *устранения тела* из живых общественных практик (образования, искусства, купли-продажи, сферы обслуживания, отношений с властью) оборачивается распространением разнообразных теорий солидаризма и локальных сообществ, также развивающихся силами прекариата и для защиты его интересов.

Именно перформативизм с его принципами процессуальности, радикальности, ситуативного акционизма, публичности и телесного присутствия делает оправданным обращение к практике правосудия как к родственной ему с методологической точки зрения эпистемологической активности человека в поиске истины. Форма политического, гражданского, художественного действия в перформативных акциях и судебный процесс – и то и другое есть опыт непосредственного и демонстративного продвижения их участников к познанию общественной, культурной, правовой ситуации, установлению художественной или юридической истины посредством личной рефлексии реальности агентами.

Философско-правовая парадигма интерсубъективизма всегда опиралась на герменевтическое понимание и феноменологическую рефлексивность, однако

в эпоху постмодерна применяла их в дискурсивной, нарративной и семиотической практике. Теперь, в поле метамодерна, правовой интерсубъективизм нуждается в качественно новых формах и средствах понимания права и бытия справедливости. Тот же самый судебный процесс рассматривается уже не как дискурс, языковая среда примирения, но как пространство телесного акта, в котором *осуществляется* справедливое правовое действие.

Анализ последних исследований и публикаций. Для разработки актуальной модели интерсубъективизма правовых тел в парадигме метамодерна авторы обращаются к двум векторам исследований: критике акционизма и уголовно-процессуальному праву.

В искусствоведческой и культурологической литературе, посвященной исследованию исторических практик художественного и политического акционизма, как правило, подчеркивается дух европейского кинизма в традициях активистов новейшей эпохи, а также поистине онтологическая роль тела в правовых акциях.

Опыт радикального искусства, в том числе в политических пространствах, глубоко изучен и использован в научной деятельности французского ситуациониста 60-х гг. Г. Дебора, введшего в философский дискурс понятие «общество спектакля», а также в творчестве американского философа Дж. Батлер, разработавшей концепцию политического перформативного акционизма, на примерах собраний и манифестаций прекарных тел.

Философия действия, в основании которой лежат принципы динамизма, процессуальности, телесности, перформативности, теория интерактивного познания и интерсубъективной рефлексии, рассматривает акционизм в качестве одного из актуальнейших явлений современности. Именно в рамках философии действия получил свое развитие энактивизм, прогрессивные идеи которого обосновывают эпистемологический аспект телесного акционизма. Одним из тех, кто развивает это направление, является чешский философ Дж. Дирксенс.

Концептуальность человеческого тела в публичном пространстве интерсубъективного существования раскрывается со ссылкой на экзистенциалистский опыт М. Бахтина в его фундаментальном анализе материально-телесного начала в гротескном реализме Ренессанса и смеховой европейской культуре.

О значении тел в перформативном интерсубъективизме также идет речь в исследовании европейских авторов Э. Матоззи и Л. Паролин, где они обосновывают герменевтическое посредничество тел / вещей, выводя концепцию «тел, транслирующих тела».

Вопрос перформативности судебного процесса на сегодняшний день мало изучен и заслуживает более глубокого философского исследования. До сих

пор философия права рассматривала феномен суда лишь в качестве семантического пространства публичного дискурса в рамках правового интересубъективизма П. Рикера. Коммуникативная философия постмодернизма, в том числе М. Фуко в своей теории наказаний, видели в судопроизводстве гуманный механизм примирения субъектов права на уровне языка, выступающий меметической альтернативой насилию.

Парадигмальные особенности метамодернизма обусловили новые принципы субъектности (точнее агентности), основания для социальных сообществ, новые функции и формы активности тел, иные критерии прав человека. В ходе сравнительного анализа перформанса и суда привлечены работы зарубежных и отечественных специалистов в области уголовно-процессуального права: К. Круза, Н. Мановой, М. Барановой, О. Блиновой, В. Холоденко, В. Вапнярчука, у которых акцент ставится на проблеме *доказывания* обстоятельств преступления и роли в нем суда. Доказывание вносит элементы ситуативности, вещественности, реального опыта, присутствия, имеющие важное значение для подтверждения перформативного характера *права-как-события*.

Формулировка цели. Целью статьи является сравнительный анализ акционистской и судебной практик в аспекте их форм, средств и целей. Исследование вопроса атрибутивности и концептуальности тела в процессуальных правовых мероприятиях. Обоснование перформативного характера права-как-события в современной парадигме интересубъективности.

Изложение основного материала.

Телесная и социальная суть акции. Происходящее от латинского *action* (действие, деятельность, борьба) понятие «акционизм» в данном контексте используется в самом широком своем значении – как обобщающее наименование разнообразных форм индивидуальной или групповой социальной активности: пикет, манифестация, забастовка, митинг, демонстрация, флешмоб, ивент, хэппенинг, перформанс и др. Акционизм – от форм авангардного искусства до политического ситуационизма – это всегда провокация события, радикальная демонстрация «действия», часто с элементами китча. Акционизм стирает грань между творчеством, симуляцией, созиданием и грубой действительностью, банальностью материальной жизни, поэтому его мероприятия часто анархичны, вызывающи и сопровождаются ареалом деструктивности. Именно по этой причине современный европейский акционизм рассматривается, вслед за Фуко [3], как продолжение традиции античного кинизма [2].

К примеру, деятельность Ситуационистского интернационала 1968 г. (Студенческая революция во Франции) осмыслена сегодня именно в общеевропейском контексте кинизма, которым пропитаны западные культура и политика, и, соответственно, многочисленные европейские практики активизма.

Акции культурной революции 1968-го сочетают в себе и художественные, и политические, и этические элементы. Кинизм всегда отличался критикой культуры. Он выставлял напоказ то, что вытеснялось из культуры как нечто позорное и недостойное, разоблачая лицемерие культурной сферы [2].

Любого характера акции – это публичные действия сообществ единомышленников, ставящие своей задачей выразить некую позицию, привлечь внимание здесь и сейчас. Зачастую не имея стратегической цели, они единичны, несистематичны и разрозненны, ориентированы на всеобщее участие случайных людей, организацию непосредственно переживаемого момента. В акции важна сиюминутность, доступность, эффективность, незаконченность процесса и возможность для свидетелей принять в ней участие. Люди собираются в каком-либо пространстве, и происходит *событие*, которое создает нечто новое между ними. В то же время эта активность, как и любое искусство, неотделима от контекста, смыслового поля, т. е. той *ситуации*, которая породила этот порыв. Искусство отношений между людьми, участие их в политическом, эстетическом, правовом процессе, критический анализ общества, культуры, ситуации – вот то, к чему стремятся любые активистские практики. В этом смысле, акционизм часто называют практикой без теории.

Понятия «радикальный художник» и «радикальный политик» во многом тождественны, по крайней мере, достаточно интегрированы. Акционистское искусство уже само по себе политично, поскольку всегда протестно, критично, парадоксально, на грани кича. Разрушая традиционные стереотипы эстетики и морали, оно автоматически критикует социальные нормы, правовые стандарты, иерархию общественных ценностей, презумпцию власти. В то же время художественные техники хэппенинга и перформанса часто избираются как наиболее оптимальная форма политических волеизъявлений. При этом ключевое их отличие от банального вандализма и хулиганства, будь то поджог покрышек, чучел чиновников, разрушение памятников или костюмированные инсценировки люстраций, заключается в их метафоричности.

Часто акционисты выбирают именно политические открытые пространства (площадь перед парламентом и т. п.), т. е. те, где власть утверждает себя непосредственно. Так, благодаря радикализму своих форм акционизм всегда демонстрирует сознательную гражданскую насыщенность и гарантирует равнодушие зрителей. Недаром он приобрел особую популярность среди оппозиционных общественных объединений и энциклопедически определяется как тактика экстремистски ориентированных социальных групп. Ситуативная тактика акционизма также благоприятно реализуется в сфере рекламы и бизнеса – в виде ивент-проектов в событийном маркетинге. Такие масштабные публичные мероприятия – ивенты для продвижения интересов компании – ориентированы на манипулирование мнением целевой аудитории и потому

также предполагают соучастие приглашенных, открытость, доступность, экшен.

Тем не менее большинство теоретиков склонны характеризовать акционизм как поистине революционную тактику сопротивления традиции и власти, форму борьбы человека за свои права. Одним из них является Г. Дебор – участник французского ситуационизма 60-х, который ввел характеристику социума как «спектакля», означающую «общество потребления», отчужденное от производства и парализованное разворачивающимся перед ним зрелищем [5]. И хотя деятельность Ситуационистского интернационала (1957–1972 гг.), в свое время, не привела к созданию единой централизованной организации, все же ознаменовалась протестной активностью цепей солидарности и молодежных альянсов, способных противопоставить власти себя и свои требования, что получило название «акционистской революции» [2].

Подобно революционной агитации акционизм также декларирует свой замысел, однако для него *действие* важнее слова (призывов, лозунгов, листовок, манифестов). Агитация доносит свои идеи через нарратив, причем в жертву этим идеям приносятся жизни самих революционеров. Для акционистов все начинается с *тела*, его нужд, его возможностей, которые они бесконечно испытывают, открывая новые горизонты чувственности, мысли, деятельности. Политична в акции не сама декларация, но коллективная интенциональность, трансгрессивное действие в публичном пространстве. По словам Дж. Батлер [5], акционизм разрушает «театр легитимности», который накладывается на публичное пространство властью, т. е. избавляет от иллюзии признания и оправдания власти. Он нарушает функционирование этого «театра», освобождая пространство для свободного действия, для прав человека.

В процессе реализации естественной свободы человек выбирает между возможными действиями. Содержанием выбора являются многочисленные и разнообразные стремления. Каждый выбор уже предполагает свободу действия, т. е. способность делать то, что мы выбираем, важное значение для выбора имеют знания выбираемых возможностей [6, р. 28]. Эти очевидные рассуждения о свободе вводят наш научный дискурс в горизонт философии действия, которая немислима сегодня без актуальных концепций тела, энантивизма, аутопоэзиса и теории интерактивного познания.

Подобно этому Х. Арент [7] утверждала, что свободы не существует вне действия, вне ее воплощения, вне материальной истории. М. Бахтин [8], в свою очередь, также различал свободу формальную (как потенциальное право), свободу фактическую (действительную возможность осуществить это право) и свободу реальную (реализованную в действительности), или «карнавальную свободу», произошедшую из народной смеховой культуры европейского сред-

невековья. В гротескном реализме Ренессанса М. Бахтин видел обоснование «материально-телесного начала жизни», гротескную, натуралистическую и вульгаризированную концепцию тела и его освобождения через смех [8].

Возвращаясь к теме философии действия, отметим энактивизм, возникший сравнительно недавно как группа теорий сознания в рамках когнитивной науки, он затрагивает проблему сложных форм интерсубъективности, а также активной этики. Согласно энактивизму, познание представляет собой не отражение в сознании субъекта внешнего по отношению к нему мира, а процесс самого формирования мира путем взаимодействия между мозгом, телом и средой, а также как результат динамических взаимодействий между субъектами в их физической среде. То есть познание – это воплощенное действие – энаktivация – построение мира. Энактивизм дает прочтение мира в следующих характеристиках: динамизм, холизм, процессуализм, натурализм, активность телесного разума и познающего тела. Чешский философ Дж. Дирксенс [9], стоящий на позициях энактивизма, заявляет, что мы познаем мир именно потому, что ведем себя определенным образом в окружающей среде и с ней, например, смотрим, прикасаемся к вещам, контактируем с другими. Знание по своей сути расценивается как физическое и воплощенное, а также как сущностно социальное, т. е. другие люди влияют на то, как мы познаем мир, мы учимся у них [9]. Ключевым понятием является опыт.

Европейские ученые Э. Матоззи и Л. Паролин [10, р. 10–11] также уделяют огромное внимание социальной, этической и эпистемологической роли опыта, развивая семиотику тела и акторно-сетевую теорию в категориях тело, материал, артефакт, вещество, среда, форма, сенсорное измерение технологий и др. Воплощенное знание материального мира обнаруживает себя посредством артефактов как посредников. Авторы поясняют фактор посредничества тел / вещей во взаимоотношениях и взаимопонимании при помощи наглядного примера с тяжелым брелком на ключах от гостиничного номера. Посредничество веса брелка в этом случае переформулирует потенциальное требование или необходимость не забыть оставить ключ на столе администратора, вопреки желанию уйти с ключом. Действительно, когда вес прикреплен к ключам, клиенты, по словам авторов, неосознанно хотят избавиться от него, а не носить в кармане. Вес артефакта способен осуществить это посредничество, непрерывно воздействуя на тело клиента, акторы влияют друг на друга. При помощи этой неприятной ситуации Э. Матоззи и Л. Паролин наглядно описывают теоретическую модель «тел, транслирующих тела» в акторно-сетевой теории [10, р. 10–11]. Здесь семиотика тела, которую можно сравнить с герменевтикой, объясняет, что контакты, отношения и взаимопонимание между телами часто осуществляются посредством артефактов и практик.

Для акционистов важны практики. Будто следуя традиции празднично-ярмарочной смеховой культуры, практики демонстрируют экзистенциальный круг жизни-смерти через гиперболизацию телесных способностей и возможностей, а не жертвуют своим телом ради идеи, подобно политическим революционерам. Раскрывая подавленные возможности тела, акционисты и перформансеры тем самым открывают в нем способность иметь идею. Идея сама по себе для них ничего не стоит без ее телесного, материального, ситуационистского, публичного воплощения [2].

Акционисты ставят перед обществом вопросы на языке своих тел. Смысловое пространство акции всегда открыто для рефлексии. По словам С. Жижека [11], нам не хватает самого языка, чтобы артикулировать нашу несвободу. К примеру, перформансер Ив Кляйн в работе «Пустота», или «Вакуум», когда выставочное галерейное пространство, выкрашенное в белый цвет, не содержало абсолютно ничего, доказывает, что фантазия и чувствительность самого художника, т. е. элементы его внутреннего нематериального мира, благодаря которым рождается искусство, сами по себе могут быть арт-объектами, включенными в музейный контекст и измеряющимися в денежном эквиваленте. Российская акционистка Марина Абрамович в перформансе «Обнаженная со скелетом», согревая человеческий скелет теплом своего тела, взывает к метафизически человеческому состраданию в память о жертвах балканского конфликта [12]. Отринув миметический акт творчества как атавизм, художники-акционисты сфокусировались на концептах. Идеи, конечно, остались рупором искусства, однако сам объект, их доносящий, может быть предельно упрощен, вульгаризирован, символичен (как реди-мейд «Фонтан» Марселя Дюшана). Акционизм создает лишь видимость разрушения и деструкции, стремясь выявить, истребить то гнилостное, что есть в человеке и в обществе. Он «лечит» шоковой терапией. Это живое воплощение метода деконструкции в спектакле социальных тел.

Не только сам акционист, перформансер, ивентор (субъект искусства, политики, бизнеса, права; художник, пикетчик, протестант), но и окружающая его реальность (ситуация, среда, фон, аудитория, момент времени) выступает в качестве субъекта произведения (представления, акции, пикета), которое больше не ограничивается артпространством холста, мастерской, сцены либо правовым пространством избирательного участка, залом суда, палатой представительского органа власти. У акционизма, как у настоящего искусства действия, фактически не существует границ: границ аудитории и границ понимания. Акция содержит прямой телесный *жест*, провоцирующий скандал и отсылающий к непосредственному переживанию конкретного момента реальности.

Активное присутствие приобщает участника к особому коллективному опыту противостояния, к материальному дискурсу, где смысл репрезентирова-

ется в форме действий. Подобие различных видов перформативного акционизма заключается не только в единстве их методов, но и в общности их цели – *быть увиденным*, быть заметным. Это одно из фундаментальных прав субъекта либеральной демократии, после права быть услышанным. Избавившись от сущностной идентичности и превратившись из субъекта в *агента*, он продвигается в направлении от языкового дискурса к визуальной деятельности, от права голоса к праву тела, от «быть услышанным» к «быть увиденным». Акционизм сегодня избран в качестве формы активности, максимально адекватной агенту неолиберального сообщества.

Суд как пространство правового перформативного акционизма. Судебное разбирательство есть многоэтапный формализованный акт регулирования человеческих отношений, обладающий институциональной функцией. Особое признание, высокую демократическую оценку и правотворческую значимость суд получил в рамках европейской традиции правового интерсубъективизма коммуникативной парадигмы философии права постмодерна. Одной из ключевых особенностей института суда является его публичность. Публичность обеспечивает доступный, открытый характер дискурса, динамичное юридическое пространство, окончательно формирует субъекта права как универсального агента свободы – «любого» из всех остальных «любых», как писал П. Рикер [13].

П. Рикер рассматривал суд в его непосредственном статусе правового института, признавая первичность его институциональной общественной функции. Вслед за П. Рикером, мы сосредоточимся на феномене суда, в частности судебного разбирательства, в основном в рамках уголовного права, но не на практике Конституционного Суда, Верховного Суда, апелляционных инстанций или судебной практике в области договорного права. Поскольку именно уголовное судопроизводство имеет дело с самой прямой формой конфликта и насилия.

До сих пор философия права рассматривала суд как публичное пространство правовой дискуссии (П. Рикер [13], М. Фуко [14]), в которой конфликт снимается на уровне языка путем осуществления эмпирического исследования ради достижения истины. Герменевтика и теория коммуникации видят в суде пространство слова и речи, в котором происходит межличностное примирение по процессуальным нормам и правилам. Обсуждения, суждения участников процесса, принятие ими результативного решения – все это оставляет место словесному конфликту, регулируемому процедурой, однако, определенно замещает собой физическое и психологическое насилие, ставит точку в споре и мести, предписывает должную компенсацию пострадавшему и наказание преступнику. Настаивая на гуманности правосудия, П. Рикер даже разводит смысл метафор «меч власти» и «меч Фемиды»: если первый отрубает головы, то второй – разит лишь словом [13, с. 36].

Отсюда цель правосудия – установление истины, справедливой дистанции путем правового решения, признание жертвы и виновного, но ни в коем случае не ответ насилием на насилие. Судебное решение, приговор, согласно П. Рикеру [13, с. 36], есть наименование конкретной правовой ситуации и, в идеале, примирение, поскольку это решение должно быть признано судьями, общественным мнением и самим подсудимым, способствуя тем самым миру и благодаря «торжеству языка над насилием».

Следует отметить, что со времени «топовой» философско-герменевтической концепции правосудия П. Рикера правовой интерсубъективизм претерпел существенные смысловые и методологические изменения в горизонте метамодерна. Грамматологическая парадигма сменилась перформативной; герменевтический дискурс сместился из семантики в область акции и перформанса; значения слова и речи замещены телом и жестом; общества сменились сообществами; на смену субъекту права как «субъекту ответственности» пришел *агент права* в качестве видимого и деятельного актора локальной ситуации. Исходя из этого, в данном исследовании осуществляется философский анализ суда не в качестве пространства публичной правовой дискуссии, но в качестве публичной акции телесной динамики права как искусной провокации ситуативной справедливости.

В дальнейшем ходе исследования преследуется довольно амбициозная цель: компаративистский подход к двум самостоятельным феноменам абсолютно различной социально-культурной природы – суду и перформансу – на основании их общих сущностных характеристик – процессуальности, публичности и телесного представительства, расцениваемых в качестве ключевых.

Приступая к сравнительному анализу судебного разбирательства и перформанса, следует обратить внимание на близость их моделей. Их общим местом является акционизм. Понятие «акционизм» взято здесь как синтетическое, обобщающее в себе художественный, политический и правовой перформанс, инсталляцию, хэппенинг, мерприятия ситуационистов, монстрацию, практику манифестаций, пикетов и собраний прекариата – т. е. позиционирование незащищенных тел в публичном пространстве как недискурсивную форму артикуляции права.

Формализованная структура судебного разбирательства содержит пять основных этапов. Опустив подготовительный этап, обратимся непосредственно к основной его части – судебному следствию. Оно, в свою очередь, также подчинено процедурным условностям, обеспечивающим выполнение ролевых функций всеми участниками разбирательства: от обвинителя до последнего свидетеля. При этом все процессуальные действия участников подчинены единому демонстративному режиму *публичности*, который способствует от-

крытой интериоризации их собственной позиции вовне. Все высказывания участников судебного разбирательства нарочито декларативны, гласны, открыты, сценически показательны – от вступительных заявлений сторон до последнего слова подсудимого. Они несут в себе не столько информацию, сколько перформативный жест, действие, акцию, непосредственный опыт реальности права. Судебный процесс больше напоминает собой не дискуссию, а постановку, свободно, но закономерно разворачивающуюся по канонам юридической «сцены».

Представление доказательств обвинения и защиты и дальнейшее их исследование судом уводят непосредственно в перформативное пространство вещей и действий – правовую ситуацию самопозиционирования активных агентов. Гласные перекрестные допросы сторонами подсудимого, свидетелей, потерпевших, экспертов и специалистов, осмотр вещественных доказательств, опознание и освидетельствование – все эти процедуры представляют собой мини-спектакли-провокации, демонстрирующие сам процесс симуляции противоправного события и замещение его правовым событием торжества правосудия.

Судебный процесс предстает в качестве действа, инсценированного ситуативным альянсом уязвимых агентов, активизм которых оправдан их ролевой персонификацией и стремлением быть увиденными. Публичность процесса говорит о его открытости к эмоциональному соучастию, о популярности тех или иных его участников (адвокатов, судей, обвиняемых), особенно за счет медийной трансляции заседаний. Так, по своей популярности некоторые показательные судебные процессы оставляют далеко позади многие эстрадные и драматические постановки.

Процедурная состязательность акторов диалектического перформанса, в частности на завершающем этапе прения сторон, категорически неотъемлема от персонифицированного живого присутствия их тел, визуального влияния, неординарного прилюдного активизма. Это настоящая манифестация правовых тел в акционистском пространстве прав человека. В этом неспланированном спектакле идеи получают свое телесное воплощение в обликах отчаянных критичных прекариев (потерпевшего, подсудимого и служителей закона). Каждый из них демонстрирует хрупкость жизни, социальную уязвимость или ее риск, а также опыт коллективного переживания прекарности в едином ситуативном судебном сообществе.

Именно телесное взаимодействие агентов права в едином перформативном пространстве суда определяет новый характер правового интересубъективизма «Я – Другой». Правосудие обнажает субстанциальный конфликт оправдания и обвинения, бессмертия и забвения, первоосновную схватку жизни и смерти.

Перформативная тактика отстаивания прав человека. Итак, в середине XX в. произошел кардинальный пересмотр назначения искусства. Оно переместилось из музеев и галерей на улицы. В своей практике художники (к примеру, венские акционисты 60-х) то и дело выходят за рамки существующих норм морали и правопорядка, эпатажируют публику, критикуют элиту, чем заслуживают название «творческий экстремизм». На первый взгляд, акционизм асоциален, однако все не так однозначно. Перформанс выражает побуждение к свободе в человеческом жесте, поступке, коллективном жизненном эксперименте, соединяя их с тем освобожденным желанием и чувством, которое только посредством игры и возможно. Мы все начинаем «играть», когда оказываемся в центре внимания других. Прямое публичное действие здесь не опосредовано институциональными звеньями социального пространства.

Акция есть полемическое общее место, явление, принадлежащее ткани непосредственных и неформализованных отношений. Ориентируясь на динамику непосредственных живых связей, акция стихийно нащупывает единство взглядов и ощущений анонимных участников. Она бесцеремонно вмешивается в обыденное положение вещей и дел. Захватывая внимание многих, акция становится предметом всеобщего обсуждения, таким образом становясь присвоенной различными силами общественности, государства, медиа, судами, полицией, соединяющихся с ней в своей интерпретации. Она требует занять по отношению к ней определенную позицию, не оставляет равнодушных. Затрагивая интересы различных сил, акция заставляет их проявить себя в эмоциях, чувствах, действиях, высказываниях, чем провоцирует последствия, которые часто нельзя предсказать. Акция напоминает вспышку, которая освещает невидимое ранее и часто разжигает пожар [15].

Кажущаяся вакханалия акционизма есть честнейшая борьба человека за его естественное право на самовыражение, на произвольную идентичность, на полноценную жизнь. Так, 17 мая, в Международный день борьбы с гомофобией, с 2017 г. в Харькове ежегодно проводятся перформансы в поддержку видимости и защищенности ЛГБТ-сообщества. Перформансеры высказываются: люди боятся того, чего не видели, наша задача сделать квир-сообщество с его проблемами видимым. Перформансы проходят также в поддержку жертв домашнего насилия, экологических ситуаций, политических репрессий, военной агрессии. К примеру, весной 2022 г. Европа вспыхнула откровенными, вызывающими, бутафорски кровавыми, немymi зрелищами политических перформансов в поддержку народа Украины. И все это акции присутствия в защиту тела абстрактного агента и его права быть видимым.

Однако перформативный акционизм не всегда имеет реакционный или нигилистический характер. Так, несомненный исследовательский и граждан-

ский интерес представляет феномен Тихого пикета – перманентной, бессрочной и молчаливой акции, объединяющей множество участников из шестидесяти городов и одиннадцати стран мира [16]. Какова тактика «Тихого пикета»? Перформансеры находятся в публичном пространстве – на улице, в общественном транспорте, на службе, работе, учебе – вместе с плакатом с лаконичной надписью, текстом, который может быть различным по форме и содержанию (лозунгом, цитатой, вопросом, критикой, статистикой, поэзией, политическим слоганом), а также содержать рисунок, хэштег, дополнительный предмет, ссылку на источник или ресурс. Как правило, тексты бывают социально-политического характера – на тему прав человека, феминизма, гендеризма, дискриминации. Пикетчики открыты для постоянного диалога, информирования и обмена опытом, который может быть продолжен в социальных сетях, в комментариях к постам по факту встречи. Тихий пикет удивительным образом сочетает в себе тела, действия, онлайн- и офлайн-пространства и нарративы. Это оригинальный формат естественного и легитимного общения людей на политические темы. Он не содержит агрессии, популизма, провокаций, обычно свойственных акционизму, не вызывает медийной лихорадки. Этот позитивный диалог предполагает доброжелательность, миролюбивость, компетентность, достоверность, заинтересованность, деликатность, тем самым существенно меняет интересубъективистскую парадигму акционизма.

Тем не менее акция всегда содержит напряженность между правом и бесправием, волей и обязанностью, инициативой и повиновением. Поступки акционистов ставят под вопрос действующую политику, нормативность и универсальность ее интересов. В свою очередь, их отчаянная активность и коллективная воля, идущие снизу, по-настоящему политичны. Акция – это постановочная тактика прорыва личной свободы, воркшоп вольнодумства, зона манифестирования прав человека и трагедии их ущербности. По канонам карнавальской культуры, акция выбирает для своих публичных заявлений язык сатиры, пародии, немых тел и вещей, гротескные шутовские образы. Акционизм – это политика, которая производит перемены при непосредственном участии каждого. Эта максима присутствия и участия, а также публичность, отличает акционистскую политику от политики представительства. Ведь, согласно Х. Арндт [7], совершение поступка на виду у многих и является политикой. По мнению ученой, только политика есть сфера обретения свободы, поскольку соразмерно публичному действию каждого агента меняет судьбу общего мира. Именно эта политика (политика открытого участия) способна создать такой мир, до которого есть дело многим.

Исходя из общей тенденции превалирования тела в теории и практике социальных наук, правовой *интерсубъективизм* на новейшем своем этапе дол-

жен рассматривать в качестве источника права ситуацию взаимоотношений и взаимоприязней дееспособных агентов, исходящих из преимущества права на удовольствие и права на прагматичную солидарность. Как правовой конфликт, так и правовая справедливость рождаются из действий и поступков физических агентов, имеющих обоюдный интерес в едином проблемном поле. Интерсубъективная природа права определяется теперь не дискуссией, консенсусом и договором, но публичным актом, ролевой активностью его участников и открытым доступом к нему. Правовое *оправдание* наступает не вследствие подведения под господствующую идею, а в результате материального преобладания, вещественной и ситуационной доказательности, благодаря взаимодействию с действительностью, деятельной и эмоциональной победы одной из сторон. *Интерсубъективизм правовых тел* как нельзя метко представлен в судебном процессе, который содержит следующие элементы акционизма: публичность, процедурно-ролевая постановочность, состязательность, доказывание оснований и обстоятельств дела, критическая оценка, реальное применение закона, выявление виновных и оправдание невиновных, обвинение, признание, раскаяние, вынесение перформативного приговора, и, наконец, торжество справедливости.

Шведская теоретик права К. Круз [17, р. 2–5] рассуждает о системе уголовного правосудия в аспекте проблемы сотрудничества эпистемологических культур ради стабильного понимания множества объектов знаний (протоколов осмотра с места преступления, бланков приказов, заключений судмедэкспертов, следов, улик и т. д.). Эпистемологическими культурами (или инфраструктурой), от преемственности которых зависит успех продвижения цепочки объективного познания объектов, автор называет различные службы в сфере уголовного правосудия – прокуратуру, отделы уголовного розыска, судебно-медицинские лаборатории, местные суды, криминалистов, следователей, адвокатов защиты и др. Успешное производство судебных доказательств от места преступления до момента вынесения приговора зависит именно от контекстуального сотрудничества этих культур и сообществ. Мышление и познание должно быть инфраструктурным [17, р. 2–5].

Юридическая наука отмечает тот факт, что современное уголовное судопроизводство заметно изменило вектор своего развития с карательной направленности к правообеспечительной и восстановительной направленности, где приоритет отдан личности, защите ее прав, свобод и законных интересов, в частности защите интересов лиц, потерпевших от преступления, от незаконного обвинения и т. п. [18, с. 567]. Судебное разбирательство должно осуществляться на основе принципа состязательности сторон обвинения и защиты, которые, обладая равными процессуальными возможностями, представляя и исследуя доказательства, стремятся убедить суд в обоснованности

своей позиции [19, с. 19]. Предназначение суда состоит в том, чтобы, не выступая ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, разрешить их спор, обеспечивая сторонам необходимые условия для исполнения их процессуальных обязанностей. В то же время, суд несет ответственность за вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора.

Теоретики права считают одной из центральных проблем уголовного судопроизводства проблему, связанную с ролью суда в процессе *доказывания* обстоятельств совершенного преступления и, особенно, виновности подсудимого. Так, уголовно-процессуальное законодательство многих стран, сохраняет право суда участвовать в доказывании значимых для правильного разрешения дела обстоятельств и, как следствие, право собирать доказательства по своей инициативе, наравне с прокурором, следователем и дознавателем. В большинстве европейских стран суду предоставляется право в ходе рассмотрения уголовного дела проводить следственные действия, назначать судебную экспертизу, осуществлять осмотр местности или помещения, проводить следственный эксперимент, настаивать на предъявлении в суде для опознания лица или предмета, производить освидетельствование, оглашать протоколы следственных действий, заключений экспертов и иные документы, задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства после их допроса сторонами, вызывать и допрашивать новых свидетелей по своей инициативе и т. д. [20]. Уголовно-процессуальный кодекс Украины, в свою очередь, также признает право суда на доказательную деятельность в уголовном производстве. В отношении этого отечественные юристы, например В. Вапнярчук, выделяют на различных стадиях и этапах уголовного процесса доказывание-познание и доказывание-обоснование, которые осуществляются судом [21].

Таким образом, под «доказыванием» в уголовном судопроизводстве понимается процесс познания, базирующийся на гносеологических закономерностях, а также материальных и фактических подтверждениях, и стремящийся к достижению истины, которая и является гарантией справедливости судебного решения. С точки зрения методологии, именно *доказывание* является аспектом, в равной степени свойственным как любого рода публичной акции, так и судебному процессу. Этап доказывания содержит непосредственные моменты реальности и личных историй, вещи из культурного ландшафта, телесный опыт, нарративы-свидетельства, экспертизы, чувствительные и взаимодействующие тела, сцены оправдания, защиты, раскаяния, волевое напряжение между участниками, наблюдение, слушание. Все эти элементы правовой реальности – вещи, предметы, люди, их присутствие, ощущения и поступки – представляют собой отсылки к конкретным ситуа-

циям, недискурсивные шаги на пути к юридической истине. В поисках объективности, правосудие давно стремится натурализовать свой объект, заставить реальность права «говорить» о себе языком событий и действий. В этом смысле право прецедента демонстрирует тот самый *жест* в сторону ситуации, произошедшей ранее и имевшей последствия, но определяющей справедливость здесь и теперь. Достоверность и очевидность прецедента в том, что событие правовых тел превосходит силу гносеологического обоснования, *присутствие* лучше любого убеждения.

Перформанс неоднократно брал на себя функцию обустройства и прочтения правовой реальности, применяя технику присутствия. К примеру, в марте 2017 г. в Музее истории ГУЛАГа в Москве канадская художница Джуди Радул создала инсталляцию под названием «Всемирный суд. Репетиция», которая включала в себя мультимедийный проект, воспроизводящий фрагменты судебных процессов Международного уголовного трибунала, а также выставку уникальных и типичных для уголовных процессов артефактов [22]. Годом ранее там же, а также в 2013 г. в Риме состоялся перформанс итальянской художницы Росселли Бискотти под названием «Судебный процесс», представлявший собой шестичасовую реконструкцию судебных слушаний, основанную на аудиозаписях, документах и предметах из судебного зала [23]. В центре перформанса – акт зачитывания (со специфической судебной риторикой) расшифрованных записей процесса 1979 г., на котором были осуждены итальянские активисты, члены объединения «Рабочая сила» по обвинению в организации терактов «Красными бригадами». Были обнародованы артефакты самого судебного процесса: деревянные лавки из зала суда в Риме, молоток судьи, полная стенограмма процесса и пр. Цель перформансеров – вынести на публичный суд независимых наблюдателей откровенную и безжалостную прозу судебного формализма, сделать свидетелей инсталляции свидетелями абстрактного судебного заседания, введя их тела в пространство материальной истории. Идея прав человека «зияет» здесь сквозь изнанку опрокинутого правосудия.

Выводы. Итак, что нового открывает акционизм в области мысли и действия? Он предлагает новую рефлексию, иной способ понимания и коммуникации, нетрадиционную логику, форму активности и реализации себя. В культурной истории судебные инстанции традиционно провозглашали акционистские практики правонарушением и преступлением, поскольку их формат не укладывается в общественную морально-нормативную систему. Тем парадоксальнее, на первый взгляд, выглядит наша попытка представить акционизм в качестве эффективной тактики самовыражения и самозащиты целевых сообществ и альянсов. Однако это не помешало нам провести аналогию между

перформансом и судебным разбирательством в общем концептуальном поле акционизма. Так, если свою формальную общность суд и перформанс обнаруживают в акционизме и интерсубъективизме, то содержательное их единство, в свою очередь, проявляется в общем дискурсе прав человека. Именно проблема субъективных прав замыкает на себя два, казалось бы, противоречивых вектора активности – судебный процесс и правовой перформанс. Интерсубъективная парадигма признает перформативный характер права-как-события, рассматривая акцию и процесс в качестве его онтологической сущности.

Представляет особый интерес и определяет дальнейшую перспективу исследований вопрос изменения функции и статуса субъекта в объединенном горизонте правового ситуационизма – от зала заседаний суда до городской площади – когда субъект синтезирует в себе персону институционального правосудия и одновременно агента асоциального, почти анархичного, акта анонимных тел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Рождение биополитики / пер. с фр. А. В. Дьякова. Санкт-Петербург : Наука, 2010. 448 с.
2. Митенко П. Большевизм, ситуационизм, акционизм: о становлении революционной ситуации. URL: <https://doxajournal.ru/texts/actionism/> (дата обращения: 15.12.2021).
3. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II / пер. с фр. А. В. Дьякова. Санкт-Петербург : Наука, 2014. 358 с.
4. Дебор Г. Э. Общество Спектакля. URL: https://royallib.com/read/debor_gi/obshchestvo_spektaklya.html#0 (дата обращения: 16.06.2021).
5. Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. Москва: Ad Marginem Press, 2018. 248 с.
6. Danilyan O. G., Dzeban A. P., Kalinovskiy Y. Y., Kalnytskyi E. A., Zhdanenko S. B. Personal Information Rights and Freedoms within the Modern Society. *Informatologia*. 2018. Vol. 1–2(51). P. 24–33.
7. Арентс Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Бибицина. Санкт-Петербург : Алетей, 2000. 437 с.
8. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Худ. лит, 1990. 543 с.
9. Dierckxsens G. Introduction: Ethical Dimensions of Enactive Cognition – Perspectives on Enactivism, Bioethics and Applied Ethics. *Topoi*. 2022. Vol. 40. Issue 5. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-021-09787-6> (дата обращения: 21.01.2022).

10. Mattozzi A., Parolin L. L. Bodies Translating Bodies: Tackling «Aesthetic Practices» from an ANT Perspective. *Science & Technology Studies*. 2021. Vol. 34. №4. P. 2–29.
11. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. 2002. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=94947> (дата обращения: 11.01.2022).
12. Глаголева А. Современный перформанс: политический жест и/или социальная критика. 05.01.2015. URL: <http://gonzotronica.blogspot.com/2015/01/blog-post.html> (дата обращения: 13.12.2021).
13. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический поход к философии права. *Вопросы философии*. 1996. №4. С. 27–36.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. Ирины Борисовой. Москва : Ad Marginem Press, 1999. 455 с.
15. Митенко П. Как действовать на виду у всех? (Московский акционизм и политика сообщества). *Новое литературное обозрение*. 2013. Вып. 6. №124. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/124_nlo_6_2013/article/10702/ (дата обращения: 11.01.2022).
16. Мотовилова А. Тихий пикет: уличный акционизм как нелинейный текст. 20.10.2017. URL: <https://artelectronics.ru/posts/tikhij-piket-ulichnyj-aktsionizm-kak-nelinejnyj-tekst> (дата обращения: 14.01.2022).
17. Kruse C. Attaining the Stable Movement of Knowledge Objects through the Swedish Criminal Justice System: Thinking with Infrastructure. *Science & Technology Studies*. 2021. Vol. 34, №1. P. 2–18.
18. Манова Н. С., Баранова М. А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019. Вып. 45. С. 564–593.
19. Блинова О. Г. Суд как участник уголовно-процессуального доказывания. *Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: История, современность и перспективы развития*: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. Ц. М. Каз (Саратов, 3 апр. 2020 г.). Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. С. 19–20.
20. Холоденко В. Д. О совершенствовании механизма правового регулирования деятельности суда по собиранию и проверке доказательств. *Судебная власть и уголовный процесс*. 2019. №1. С. 170–176.
21. Вапнярчук В. В. Зміст доказової діяльності суду у кримінальному провадженні. *Науковий вісник Херсонського державного університету*. 2014. Вип. 1, т. 3. С. 134–138.
22. Wikipedia. Джуди Радул. URL: https://hmong.ru/wiki/Judy_Radul (дата обращения: 13.01.2022).
23. V-A-C Foundation. Перформанс Росселлы Бискотти «Судебный процесс». 14.12.2016. URL: <https://www.facebook.com/vacfoundation/photos/processesperformans-rosselly-biskotti-sudebnyj-process-uzhe-v-etu-syubbotu-i-my-ho/1370375769639838> (дата обращения: 13.01.2022).

REFERENCES

1. Fuko, M. (2010). *Rozhdenie biopolitiki*. Sankt-Peterburg: Nauka [in Russian].
2. Mitenko, P. (2021). *Bol'shevizm, situacionizm, akcionizm: o stanovlenii revoljucionnoi situacii*. URL: <https://doxajournal.ru/texts/actionism/> [in Russian].
3. Fuko, M. (2014). *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboi' i drugimi II*. Sankt-Peterburg: Nauka [in Russian].
4. Debora, G. E. (1994). *Obschestvo Spektaklja*. URL: https://royallib.com/read/debor_gi/obshchestvo_spektaklya.html#0 [in Russian].
5. Batler, Dzh. (2018). *Zametki k performativnoj teorii sobranija*. Moskva: Ad Marginem Press [in Russian].
6. Danilyan, O. G., Dzeban, A. P., Kalinovskiy, Y. Y., Kalnytskyi, E. A., Zhdanenko, S. B. (2018). Personal Information Rights and Freedoms within the Modern Society. *Informatologia. Vol. 1–2 (51)*. 24–33.
7. Arendt, H. (2000). *Vita Activa, ili O dejatel'noi' zhizni*. Sankt-Peterburg: Aletei'ja [in Russian].
8. Bahtin, M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa*. Moskva: Hudozhestvennaja literatura [in Russian].
9. Dierckxsens, G. (2022). Introduction: Ethical Dimensions of Enactive Cognition – Perspectives on Enactivism, Bioethics and Applied Ethics. *Topoi. Vol. 40, issue 5*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-021-09787-6>.
10. Mattozzi, A., Parolin, L. L. (2021). Bodies Translating Bodies: Tackling «Aesthetic Practices» from an ANT Perspective. *Science & Technology Studies. Vol. 34, 4*, 2–29.
11. Zhizhek, S. (2002). *Dobro pozhalovat' v pustynju Real'nogo*. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=94947> [in Russian].
12. Glagoleva, A. (2015). *Sovremennyi' performans: politicheskii' zhest i/ili social'naja kritika*. URL: <http://gonzotronica.blogspot.com/2015/01/blog-post.html> [in Russian].
13. Rikjor, P. (1996). *Torzhestvo jazyka nad nasiliem. Germenevicheskii' pohod k filosofii prava. Voprosy filosofii – Problems of philosophy, 4*, 27–36.
14. Fuko, M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tjur'my*. Moskva: Ad Marginem Press [in Russian].
15. Mitenko, P. (2013). *Kak dei'stvovat' na vidu u vseh? (Moskovskii' akcionizm i politika soobschestva)*. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Review, 6*, 124. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/124_nlo_6_2013/article/10702/ [in Russian].
16. Motovilova, A. (2017). *Tihii' piket: ulichnyi' akcionizm kak nelinei'nyi' tekst*. URL: <https://artelectronics.ru/posts/tikhij-piket-ulichnyj-akcionizm-kak-nelinejnyj-tekst> [in Russian].
17. Kruse, C. (2021). Attaining the Stable Movement of Knowledge Objects through the Swedish Criminal Justice System: Thinking with Infrastructure. *Science & Technology Studies. Vol. 34, 1*, 2–18.
18. Manova, N. S., Baranova, M. A. (2019). *Principy ugovnogo sudoproizvodstva kak voploschenie npravstvennyh osnov ugovno-processual'noi' dejatel'nosti*. *Vestnik*

Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Bulletin of the Perm University. Legal Sciences, 45, 564–593 [in Russian].

19. Blinova, O. G. (2020). Sud kak uchastnik ugovovno-processual'nogo dokazyvanija. *Dokazatel'stva i dokazyvanie v ugovovnom sudoproizvodstve: Istorija, sovremennost' i perspektivy razvitija*: proceedings of the international scientific-practical conference. Saratov: Izd-vo FGBOU VO «Saratovskaja gosudarstvennaja juridicheskaja akademija», 19–20 [in Russian].
20. Holodenko, V. D. (2019). O sovershenstvovanii mehanizma pravovogo regulirovanija dejatel'nosti suda po sobiraniju i proverke dokazatel'stv. *Sudebnaja vlast' i ugovovnyi' process – Judiciary and criminal procedure, 1, 170–176 [in Russian].*
21. Vapnyarchuk, V. V. (2014). Zmist dokazovoyi diyal'nosti sudu u kry'minal'nomu provadzheni. *Naukovy'j visny'k Xersons'kogo derzhavnogo universy'tetu – Scientific Bulletin of Kherson State University, 1(3), 134–138 [in Ukrainian].*
22. Wikipedia (2022). Dzhudi Radul. URL: https://hmong.ru/wiki/Judy_Radul [in Russian].
23. V-A-C Foundation. (2016). Performans Rosselly Biskotti «Sudebnyi' process». URL: <https://www.facebook.com/vacfoundation/photos/processesперформанс-росселлы-бискотти-судебный-процесс-уже-в-эту-субботу-и-мы-хо/1370375769639838> [in Russian].

Мелякова Юлія Василівна, кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри філософії Національного юридичного університету
імені Ярослава Мудрого, м. Харків, Україна

Коваленко Інна Ігорівна, кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри філософії Національного юридичного університету
імені Ярослава Мудрого, м. Харків, Україна

ІНТЕРСУБ'ЄКТИВІЗМ ПРАВОВИХ ТІЛ У ПРОСТОРИ СУДОВОГО ПЕРФОРМАНСУ

У цьому дослідженні порушено проблему сучасного прочитання правової реальності в горизонті інтерсуб'єктивізму. Ключову роль відведено перформативному акціонізму, який розглядається як тактика здійснення права і методу пізнання істини в ході судового розгляду. Право розуміється як акція, процес, подія, вчинок, ситуація, низка дій агентів права. Акціонізм застосовує принципи незалежної та ефективної взаємодії агентів сучасного інтегративного середовища, а також дає методологічне обґрунтування нового правового інтерсуб'єктивізму тіл у судовій практиці.

Ключові слова: перформативність, акціонізм, судовий процес, тіло, агент, інтерсуб'єктивізм.

Meliakova Yuliia Vasylivna, PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of Philosophy Department,
Yaroslav Mudryi National Law University, Kharkiv, Ukraine

Kovalenko Inna Igorivna, PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of Philosophy Department,
Yaroslav Mudryi National Law University, Kharkiv, Ukraine

INTERSUBJECTIVISM OF LEGAL BODIES IN THE SPACE OF JUDICIAL PERFORMANCE

This study touches upon the problem of modern interpretation of legal reality in the horizon of intersubjectivism. The key role is assigned to performative actionism, which is considered as a tactic for exercising the law and a method of learning the truth in the course of a trial. Law is understood as an action, process, event, deed, situation, a series of actions of agents of law. Actionism applies the principles of independent and effective interaction of agents of the modern integrative environment, and also provides a methodological justification for the new legal intersubjectivism of bodies in judicial practice.

Keywords: *performativity, actionism, litigation, body, agent, intersubjectivism.*

